

других). Однако характеристика «безумия» как индикатора современного состояния культуры в искусстве, и в особенности кинематографе, не получила пока серьезной научной проблематизации. В связи с этим необходимо прежде всего рассмотреть репрезентацию безумия как объекта гуманитарного знания и возможность его использования в культурологическом аспекте.

Безумие — понятие, обладающее полидискурсивностью и получившее статус концепта в разных культурах. В силу крайней неограниченности использования и, как следствие, неопределенности, это понятие используется в различных контекстах и является метаметафорой современного состояния культуры. Чтобы обозначить сферу его научного использования в культурологии в рамках интегративного подхода, необходимо дифференцировать его репрезентацию в разных отраслях науки (лингвистике, психологии, медицине, истории и т. д.).

В первую очередь отметим *лингвистический подход* к функционированию концепта «безумие» в языке, выявление его семантического поля.

Современные словари дифференцируют прямое и косвенные значения слова. Выделим основные: 1) использование как в прямом, так и в переносном значении; 2) наличие нескольких ключевых значений: а) сумасшествие, как состояние сознания, б) крайняя степень интенсивности действия [1, с. 42]. Более того, количество значений в словарных статьях меняется в зависимости от года издания — в частности, постсоветские словари представляют значительно больший спектр значений, чем словари советского периода.

В рамках лингвистического подхода заслуживают внимания исследования, посвященные вопросам функционирования концепта «безумие» в языке. Так, Ю.В. Жевайкина анализирует фразеосемантическое поле «безумие», образующее систему, состоящую из нескольких микрополей и групп: 1) микрополе «безумие»: а) безумец, б) пребывание в безумном состоянии, в) приход в безумное состояние, место пребывания безумца, г) безумные поступки; 2) микрополе «аффект»: а) приход в состояние аффекта, пребывание в состоянии аффекта; 3) микрополе «нецелесообразное поведение» [2]. Наблюдения над использованием концепта *madness* в англоязычной лингвокультуре представлены в работе С.В. Селина [3], который отмечает «обширное номинативное поле репрезентантов» и «развитую систему концептуальных метафор безумия». Автор определяет ядро номинативного поля (*mad/madness, insane/insanity, lunatic/lunacy, crazy*) и формируемое на его базе деривативное поле лексем и выявляет кластер концептуальных признаков, который в целом согласуется с фразеосемантическим полем, предложенным в работе Ю.В. Жевайкиной. Зависимость изменений в семантическом поле «бе-

зумия» от динамики религиозных представлений прослеживает М.В. Турилова [4].

На основании этих работ можно заключить, что понятие «безумие» выступает в роли концепта не только в русском, но и в других языках, имеет довольно широкое семантическое поле, при этом все авторы отмечают зависимость между количеством и качеством соответствующих значений и социокультурной ситуацией той или иной эпохи.

Столь объемная концептосфера позволяет проследить изменение значений понятия «безумие» и в других дискурсивных практиках.

В рамках *медицинского дискурса* концепт «безумие» получает свою разработку в таких понятиях, как «патология», «болезнь», «инвалидность», «особенность», «расстройство», «симптом», «синдром», «нарушение», «диагноз», «поражение» и других исключительно медицинских терминах [5]. Под «безумием» здесь понимается именно душевная болезнь или психическое отклонение. Отклонение, очевидно, подразумевает наличие нормы, которая может меняться под влиянием социокультурного контекста. Важное значение концепт «безумие» имеет для наук, связанных с устройством человеческой души и/или психики: психологии, психиатрии, медицины. Кроме того, в психологии имеется большое количество ответвлений и субдисциплин (патопсихология, психопатология, сексопатология и т. д.).

В *юридическом дискурсе* совместно с психологией, медициной и психиатрией разрабатываются понятия «невменяемости» и «аффекта» [6], которые подразумевают отсутствие (в силу разных причин) осознания последствий своих действий либо бездействия. Причиной могут служить хронические или временные психические расстройства, слабоумие, иные болезненные состояния психики. В этом смысле юридический аспект тесно связан с медицинским.

Богатый материал для культурологического осмысления безумия представлен *религиозным дискурсом*, где понятие «безумие» обросло сакральным смыслом, а в истории русской культуры получило и новое осмысление.

Е.В. Новичкова, анализируя образ и изображение безумца на миниатюрах средневековых рукописей, опиралась на представление о том, что, кроме «психической болезни», в то время «под безумием могли пониматься сверходаренность, редкие способности, любые формы отклоняющегося поведения» [7, с. 92]. На материале иллюстраций к библейским текстам автор анализирует наиболее интересный и разнообразный иконографический материал, который позволяет судить о возможностях представления безумия и безумцев средствами изобразительного искусства. Текстуально опираясь в основном на историю Саула (безумца из Псалтири), Притчи Соломона, проповеди Христа и апостола Павла, Е.В. Новичкова предложила классификацию, вклю-

чающую три основных вида безумия, характерных для раннехристианских текстов: «безумие-грех», «безумие-одержимость», «безумие-болезнь».

Основы такого представления являются предметом наблюдений А. Забияко, который отмечает «особое состояние экстатического возбуждения», отражающее «у всех народов древнейшее представление о мудрости» [8, с. 139]. В российской культуре с приходом христианства произошло окончательное отделение «мудрости» от «экстаза» и «одержимости». Ведовское знание и колдовство обозначаются православными авторами понятием *неистовство*, которое станет затем синонимом слов «одержимость», «исступление». Тем не менее, в России сформировался новый вид безумия — «безумие Христа ради», или русское юродство.

Сам факт, что слово «безумие» не используется медиками в качестве профессионального понятия, демонстрирует, что оно наделяется онтологическим смыслом и переходит в сферу культуры. Справедлива мысль О.А. Власовой о том, что, «несмотря на то, что психическая патология входит в область интереса множества наук, ни одна из них не приближалась к безумию так близко, как в XX веке сделала философия» [9, с. 85], и, как уточняет А.А. Грицанов, понятие «безумие» приобрело «философскую и культурологическую размерность в контексте выхода книги Фуко “История безумия в классическую эпоху”» [10]. Этому явлению способствовал психоанализ — теория, которая вышла за рамки психиатрии. Связь культуры и патологии довольно ярко продемонстрирована в работе З. Фрейда «Тотем и табу» [11], которая описывает механизмы, формирующие и культуру, и религию, и большинство психических расстройств [12]. Психоанализ является в этом плане наиболее провокационной и известной психологической практикой, обладающей мощным философским базисом и послужившей причиной формирования целого ряда философских течений. В частности, фрейдомарксизм, возникший на базе франкфуртской школы, обеспокоенной возникновением феномена социального безумия как опасности потери критического мышления [13], снова демонстрирует отсутствие четкого понимания этого понятия.

Школа структурного психоанализа во главе с Ж. Лаканом также отталкивается от Фрейда и изучает пограничные состояния, привлекая структуралистский подход. Одной из ключевых идей Лакана является мысль о том, что «бессознательное структурировано как язык». Исходя из этого, он призывает вернуться к Фрейду и обращает внимание на тот факт, что подлинным инструментом психоанализа является язык, поэтому даже бред и, более того, молчание обретают свое значение в символическом пространстве языка и культуры.

Разработанная Ж. Делезом и Ф. Гваттари в книге «Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения» кон-

цепция «шизоанализа» критически настроена по отношению к классическому психоанализу. В ней шизофрения выводится из сферы психиатрического и вводится в социокультурную сферу, а устоявшийся шизофреник, по мнению авторов, это тот, кто «фундаментально отвергает капиталистический социум» [14, с. 224].

Продуктивность психоанализа отразилась не только в изобилии деривативных дискурсивных практик, но и в том, что он открыл широкий спектр возможностей для интерпретации произведений искусства как маркеров, характеризующих состояние общества и современной культуры.

Так, В.П. Руднев утверждает, что постмодернистское («шизотипическое») восприятие мира сглаживает острые углы и болезненность феномена «безумия», как, например, в авторском кинематографе, строящемся «как система неомифологических цитат и реминисценций, недоступных обыкновенному зрителю, как недоступен обывателю шизофренический бредовый язык» [15, с. 507].

Психоанализ и категория «безумия» определяли также формирование художественных доктрин, являющихся объектом изучения *искусствоведения* и *литературоведения*. Еще в знаменитом «Манифесте сюрреализма» А. Бретон говорил об особом статусе воображения и его силе, способной изъять человека из реальности со всеми ее ограничениями, нормами и устоями, пытаюсь понять, где проходит грань, за которой воображение начинает приносить вред. За этой гранью находится безумие, которое оценивается А. Бретоном весьма неоднозначно. С одной стороны, оно подвергается остракизму и разного рода наказаниям, с другой — сопровождающие его «галлюцинации, иллюзии и т. п. — это «источники удовольствия, которыми вовсе не следует пренебрегать» [16, с. 41]. Объявляя в своем манифесте безумие одним из основных источников вдохновения и даже придавая ему статус метода, Бретон выдвигает аргумент в пользу своей позиции: безумец — человек скрупулезной честности (о чем свидетельствует и литература: «Идиот» Ф.М. Достоевского, «Посторонний» А. Камю и др.). В противоположность реалистической точке зрения, идущей от позитивизма, А. Бретон воздаст должное Фрейду, который оказал особое влияние на «сюрреализм», особенно в тех фрагментах его работ, которые проясняют онирические видения.

Именно в XX в. категория «безумия» обрела свой культурный и философский смысл и объем. Культура эпохи значительно расширила социокультурные и философские рамки «безумия», о чем свидетельствуют многочисленные работы в этой сфере. Так, М.М. Бахтин, описывая явление, типичное для обывателя того периода, видел его сущность в смещении центра тяжести внутрь субъекта, рождении внутреннего мира и, как следствие, в появлении

несогласованности между Я и его проявлениями в мире. В качестве свидетельства он приводит художественную литературу XIX в. — то, что получило название «боваризм», и имеет в виду таких писателей, как М. Пруст и Дж. Джойс.

Не случайно эта проблематика стала наиболее значимой для литературоведов и искусствоведов. Т.А. Тернова в статье «Семиотика безумия в литературе русского авангарда» приходит к выводу, что «безумие уже не просто позволяет творить альтернативные миры, как это предполагалось мировоззрением модернизма, а обеспечивает постижение единственно возможного мира, заключенного внутри самого человеческого существа» [17, с. 134]. Это связано с распространением биографического подхода к анализу художественных текстов. Отталкиваясь, в первую очередь, от такого подхода к творчеству футуристов (Д. Бурлюка, А. Крученых, В. Хлебникова), автор отмечает два типа проявления безумия в их литературном наследии: 1) «безумие как вариант литературной маски»; 2) «безумие как экстаз, приводящее к созданию заумного текста». Важно то, что «заумный текст» понимается Т.А. Терновой не как «антитеза ума», но как нечто уму внеположное. В работе Т.А. Терновой отражены различные типично модернистские и авангардистские моменты, непосредственно связанные с новым пониманием безумия как юродства в литературе. Мы видим переход к постмодерну, обозначенный «поэтикой неразличений», воспеванием урбанизации, восприятием хаоса как новой нормы и совмещением мотивов безумия и игры.

Безумие поэтическое таким образом может быть признано особым видом и включено в различные классификации, в том числе и предложенную М. Эпштейном [18], который выделяет поэтическое (экстатическое) и философское (доктринальное) безумие. Такая классификация опирается на значение «безумия» как чего-то сверхинтенсивного, чрезвычайного. Экстатическое безумие — это болезнь анархии, а доктринальное — тоталитарности. Посередине между ними должна находиться норма. Этот вывод делается автором исходя из предположения в гуссерлевском духе: «О чем можно мыслить, о том можно и безумствовать». Свой тезис о безумии автор доказывает, анализируя творчество Ф. Гельдерлина и К.Н. Батюшкова.

В ряду упомянутых нами художественных практик одно из ведущих мест принадлежит кинематографу, который, будучи «детисцем XX века», сконцентрировал все художественно-философские искания эпохи, в том числе и в отношении к метафоре безумия. Безумие в этой сфере имеет многообразные формы, что обусловлено в том числе особенностями киноязыка и техническими возможностями кинематографа, с помощью которого можно проникать в бессознательное — не случайно данный

вид искусства стал своеобразной иллюстрацией теории и практики сюрреализма («Андалузский пес» Бунюэля — Дали).

Именно кинематографические эксперименты послужили основой для философских размышлений словенского ученого С. Жижека, использующего в своих интерпретациях в том числе и психоаналитические подходы. В сборнике работ «То, что вы всегда хотели знать о Лакане (но боялись спросить у Хичкока)» [19], изданном под редакцией самого С. Жижека при участии его коллег, входящих в Люблянскую философскую школу (М. Долар, А. Зупанчич, С. Пелко, М. Божович, Р. Салецл), четко обозначена методологическая составляющая психоаналитической интерпретации. Центральная тема сборника — кинематограф А. Хичкока, анализ которого базируется в частности на терминологии Ж. Лакана. С. Жижек работает с кинематографическим материалом не только как психоаналитик, но и как философ-марксист, о чем свидетельствует его участие в проекте «Киногид извращенца», особенно в его второй части, которая в сравнении с первой значительно меньше опирается на психоанализ и ориентирована, в первую очередь, на социум, политику, идеологию.

Другой известный философ, основатель онтопсихологической школы А. Менегетти в книге «Синемалогия. Кино и бессознательное» [20] отходит от психоанализа и использует собственную методологию для анализа некоторых видов психопатологии в фильмах «Ночной портье», «Дневная красавица», «Поющие в терновнике» и др.

Российское научное сообщество не осталось в стороне от исследуемой проблемы. О популярности идей З. Фрейда и Ж. Лакана свидетельствует значительный объем литературы по данной тематике. В статье «Психоанализ о кино и кино о психоанализе» [21] К. Корбут, описывая теорию развития отношений между психоанализом и кино, демонстрирует некоторые элементы методологии психоаналитического разбора фильмов. Нечто подобное было представлено группой исследователей в сборнике «Психоанализ и искусство» [22], составленном Е.А. Спиркиной. В этих работах анализируются фильмы, отражающие специфику обозначенной проблематики (картины П. Альмодовара, Б. Бертолуччи). Опираясь на опыт современного западного кинематографа, авторам удалось выйти на философско-эстетическое осмысление проблематики, связанной с воплощением различных расстройств и перверсий в кинематографе в контексте общечеловеческой и экзистенциальной парадигмы культуры. Методологический аспект может быть также рассмотрен и на примере работы Н.О. Осиповой [23], которая обращается не только к классическим приемам психоаналитической интерпретации фильма через ключевые характеристики «сгущения» и «смещения», но и к теории архетипов К. Юнга, а так-

же к постмодернистским конструктам, в том числе Ж. Лакана, Ж. Делеза и Ф. Гваттари.

Роль юнгианской методологии в анализе кинематографического материала отражена и в статье Н.А. Хренова «Аналитическая психология К. Юнга и интерпретация текстов экранной культуры» [24]. При этом автор указывает на сходство юнгианской методологии с теоретическими и методологическими построениями постструктурализма, в частности с «бахтинским вариантом в истолковании Ю. Кристевой», и устанавливает через это отношение близость такой методологии и теории интертекстуальности.

Обращение к кинематографу в контексте тематики безумия характерно для работы Е.В. Улыбиной «Зримое безумие. Что кино показывает на месте сумасшедшего» [25]. На примере некоторых фильмов («Психоз», «Завороженный» А. Хичкока, «Молчание ягнят», «Идентификация» Д. Мэнголда, «Паук» Д. Кроненберга, «Дневная красавица» Р. Поланского, «37,2 по утрам» Ж-Ж. Бенекса, «Пианистка» М. Ханеке и др.) автор демонстрирует особенности кино, используя формулу: «слово и аффект дают эффект», и следует в своих рассуждениях постулату З. Фрейда, который гласит, что средой работы психоанализа всегда выступает речь, даже если мы говорим о таком фигуративном искусстве, как кино.

Таким образом, особый смысл понятие «безумие» приобрело в эстетике постмодернизма в целом и постмодернистском кинематографе в частности, где вопрос о соотношении «нормы» и «патологии» ставится особым образом и довольно остро, что особенно характерно для кризисных состояний культуры. Подобные трансформации связаны с резким изменением философского осмысления понятия «безумие», эмансипацией многих сфер жизни человека и переходом к состоянию «после оргии» [26]. Предостережения мыслителей конца XIX — начала XX в. стали констатацией философов конца XX в.: они обращают внимание на наличие у культуры изнаночной стороны, которая заявила о себе во множестве проявлений. Глубина, фундамент, четкость закрепленных значений остаются в прошлом, «неразрывность изнаночной и лицевой сторон смещает все уровни глубины» [27, с. 22]. Постмодернизм снимает разделительную черту между «нормальным» и «безумным», приравнивая их друг к другу и утверждая наличие безумной составляющей в каждой единице общества, в каждом элементе культурной объективации.

Научное осмысление концепта «безумие» нуждается в комплексном подходе, и именно культурология как интегративная дисциплина оперирует всеми гранями и оттенками этого понятия. Несмотря на отмеченное разнообразие работ, культурологический анализ данного феномена и систематизация связанного с ним материала в настоящее время находятся на начальной стадии и нуждаются в дальнейшем развитии.

Список источников

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Москва : ООО «А ТЕМП», 2007. 944 с.
2. Жевайкина Ю.В. Когнитивные аспекты идиоматики (на материале семантического поля «безумие» в русском и английском языках) : дис. ... канд. филол. наук. Чувашский гос. ун-т. Ульяновск, 2004. 215 с.
3. Селин С.В. Вербализация концепта madness (безумие) в английском языке: когнитивно-корпусные и лингвокультурологические аспекты : дис. ... канд. филол. наук. Курский гос. ун-т. Воронеж, 2011. 232 с.
4. Турилова М.В. Генетическая и мотивационная характеристика лексико-семантического поля «безумие» в русском языке : дис. ... канд. филол. наук / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. 2010. 309 с.
5. Орлова Е.А., Колесник Н.Т. Клиническая психология : учеб. для бакалавров / отв. ред. Г.И. Ефремова. Москва : Издательство Юрайт, 2014. 363 с.
6. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия / под. ред. М.Ю. Тихомирова. Москва : Изд. Тихомирова М.Ю., 2009. 1088 с.
7. Новичкова Е.В. Лики безумия в культуре латинского Средневековья // Человек. 2009. № 1. С. 92–103.
8. Забияко А. Антиномии русского сознания: Мудрость и безумие // Литературная учеба. 1999. № 1/2/3. С. 139–157.
9. Власова О.А. Антропология безумия: гуманитаризация и деинституционализация психиатрии // Человек. 2007. № 4. С. 84–96.
10. Фуко М. История безумия в классическую эпоху / пер. с фр. И.К. Стаф. Москва : АСТ : АСТ Москва, 2010. 698, [6] с.
11. Фрейд З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии / пер. с нем. М. Вульфа. Санкт-Петербург : Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2013. 224 с.
12. Фрейд З. Неудовлетворенность культурой // Психоаналитические этюды. Москва : АСТ : Астрель, 2011. С. 107–220.
13. Маркузе Г. Одномерный человек / пер. с англ. А.А. Юдина. Москва : АСТ : АСТ Москва, 2009. 331, [5] с.
14. Десятерик Д. Шизоанализ // Альтернативная культура : энциклопедия / [сост. Дмитрий Десятерик]. Екатеринбург : Ультра. Культура, 2005. С. 223–227.
15. Руднев В.П. Философия языка и семиотика безумия : избр. работы. Москва : ИД «Территория будущего», 2007. 528 с.
16. Бретон А. Манифест сюрреализма // Называть вещи своими именами : Программные выступления мастеров западно-европейской литературы XX века. Москва : Прогресс, 1986. 640 с.

17. Тернова Т.А. Семиотика безумия в литературе русско-го авангарда // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. 2010. Вып. 45. № 21 (202). С. 134–139.
18. Эпштейн М. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. Москва : НЛО, 2004. С. 512–540.
19. Жижек С. То, что вы всегда хотели знать о Лакане (но боялись спросить у Хичкока). Москва : Логос, 2004. 336 с.
20. Менегети А. Кино, театр, бессознательное. Москва : ННБФ «Онтопсихология», 2001. Т. 1. 384 с.
21. Корбут К. Психоанализ о кино и кино о психоанализе [Электронный ресурс] // Журнал практической психологии и психоанализа. URL: <http://psyjournal.ru/psyjournal/articles/detail.php?ID=2954> (дата обращения: 05.11.2015).
22. Психоанализ и искусство / сост. Е.А. Спиркина. Москва : Когито-Центр, 2011. 176 с.
23. Осипова Н.О. Метод психоанализа в интерпретации постмодернистского кинематографа (на материале фильма Ф. Озона «Крысятник») // Вестник ВятГГУ. 2009. № 4 (1). С. 106–110.
24. Хренов Н.А. Аналитическая психология К. Юнга и интерпретация текстов экранной культуры // Фундаментальные проблемы культурологии : в 4 т. / отв. ред. Д.Л. Спивак. Санкт-Петербург : Алетейя, 2008. Том II : Историческая культурология. С. 198–208.
25. Улыбина Е.В. Зримое безумие. Что кино показывает на месте сумасшедшего // Русская антропологическая школа. Труды. Вып. 3. Москва : РГГУ, 2005. С. 189–208.
26. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. Москва : Добросвет, Издательство «КДУ», 2012. 260 с.
27. Делез Ж. Логика смысла / пер. с фр. Я.И. Свирского. Москва : Академический Проект, 2011. 472 с.

A.D. ZHELEZOVSKIY

PHENOMENON OF MADNESS AS A SUBJECT OF CULTUROLOGICAL RESEARCH

This article provides a summary of the main discursive practices (linguistic, religious, legal, scientific, artistic, etc.) in which the phenomenon of madness appears. The author analyzes the semantic field of the conceptual sphere of madness, its historical comprehension. This subject needs a deep culturological research. The term “madness” is considered as a polydiscursive notion, used in various areas of social life and research practice (including the linguistic, philosophical, literary, medical, psychological, theological and other aspects). The article presents a review of major cultural and philosophical concepts which formed the basis for the scientific theory of madness (Freudianism, Freud-Marxism, structuralism, psychoanalysis, schizoanalysis). This theory mainly set the direction of the creative quest in the contemporary art.

The emphasis in this article is put on the postmodern discourse’s leading role in the interpretation of the madness phenomenon and on the role of the culturological approach in studying and understanding of this phenomenon in the current cultural context. The crucial role of literature in development of this subject is undeniable. However, the author proposes to use the modern cinematograph for the main empiric material, because it provides the most expressive representation of the motive of madness in all its aspects.

Key words: madness, history of culture, psychoanalysis, modern cinematograph.

Citation: Zhelezovskiy A.D. Phenomenon of Madness as a Subject of Culturological Research, *Observatory of Culture*, 2016, vol. 1, no. 2, pp. 218–224.

About author

Anton Dmitriyevich Zhelezovskiy,

Vyatka State Humanities University,
Department of Culturology, Post-Graduate Student
e-mail: zhelezovskiy@hotmail.com
26 Krasnoarmeyskaya St.,
Kirov, 610002, Russia

Referenses

1. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovy slovar’ russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii*. Moscow, OOO “A TEMP” Publ., 2007, 944 p.
2. Zhevaikina Yu.V. *Kognitivnye aspekty idiomatiki (na materiale semanticheskogo polya «bezumie» v russkom i angliiskom yazykakh)*, Cand. philol. sci. Diss. Ulyanovsk, 2004, 215 p.
3. Selin S.V. *Verbalizatsiya kontsepta madness (bezumie) v angliiskom yazyke: kognitivno-korpusnye i lingvokul’turologicheskie aspekty*, Cand. philol. sci. Diss. Voronezh, 2011, 232 p.
4. Turilova M.V. *Geneticheskaya i motivatsionnaya kharakteristika leksiko-semanticheskogo polya “bezumie” v russkom yazyke*, Cand. philol. sci. Diss. Moscow, 2010, 309 p.
5. Orlova E.A., Kolesnik N.T. *Klinicheskaya psikhologiya*. Moscow, Yurait Publ., 2014, 363 p.
6. Tikhomirova L.V., Tikhomirov M.Yu. *Yuridicheskaya entsiklopediya*. Moscow, Izd. Tikhomirova M.Yu., 2009, 1088 p.
7. Novichkova E.V. Liki bezumiya v kul’ture latinskogo Srednevekov’ya, *Chelovek* [Human], 2009, no. 1, pp. 92–103.
8. Zabiyako A. Antinomii russkogo soznaniya: Mudrost’ i bezumie, *Literaturnaya ucheba*, 1999, no. 1/2/3, pp. 139–157.
9. Vlasova O.A. Antropologiya bezumiya: gumanitarizatsiya i deinstitutsionalizatsiya psikhiiatrii, *Chelovek* [Human], 2007, no. 4, pp. 84–96.

10. Foucault M. *Madness and Civilization: A History of Insanity in the Age of Reason*. Moscow, AST Publ., AST Moscow Publ., 2010, 698 p. (in Russ.).
 11. Freud S. *Totem and Taboo: Resemblances Between the Mental Lives of Savages and Neurotics*. St. Petersburg, Izdatel'skaya gruppya "Lenizdat", "Komanda A" Publ., 2013, 224 p. (in Russ.).
 12. Freud S. *Civilization and Its Discontents*, *Psikhoanaliticheskie etyudy*. Moscow, AST Publ., Astrel' Publ., 2011, pp. 107–220 (in Russ.).
 13. Marcuse H. *One-Dimensional Man*. Moscow, AST Publ., AST Moscow Publ., 2009, 331 p. (in Russ.).
 14. Desyaterik D. Shizoanaliz. *Al'ternativnaya kul'tura : Entsiklopediya*. Ekaterinburg, Ul'tra. Kul'tura Publ., 2005, pp. 223–227.
 15. Rudnev V.P. *Filosofiya yazyka i semiotika bezumiya*, Selected Works. Moscow, ID "Territoriya budushchego", 2007, 528 p.
 16. Breton A. *Surrealist Manifesto, Nazyvay' veshchi svoimi imenami : Programmnye vystupleniya masterov zapadno-evropeiskoi literatury XX veka*. Moscow, Progress Publ., 1986, 640 p.
 17. Ternova T.A. *Semiotika bezumiya v literature russkogo avangarda*, *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Chelyabinsk State University Bulletin], 2010, iss. 45, no. 21 (202), pp. 134–139.
 18. Epshtein M. *Znak probela: O budushchem gumanitarnykh nauk*. Moscow, NLO Publ., 2004, pp. 512–540.
 19. Zizek S. *Everything You Always Wanted to Know About Lacan... But Were Afraid to Ask Hitchcock*. Moscow, Logos Publ., 2004, 336 p. (in Russ.).
 20. Menegetti A. *Kino, teatr, bessoznatel'noe*. Moscow, NNBF "Ontopsikhologiya" Publ., 2001, vol. 1, 384 p.
 21. Korbut K. *Psikhoanaliz o kino i kino o psikhoanalize*, *Zhurnal prakticheskoi psikhologii i psikhoanaliza* [Journal of Applied Psychology and Psychoanalysis]. Available at: <http://psyjournal.ru/psyjournal/articles/detail.php?ID=2954> (accessed 05.11.2015).
 22. Spirkina E. *Psikhoanaliz i iskusstvo* [Psychoanalysis and Art]. Moscow, Kogito-Tsentr Publ., 2011, 176 p.
 23. Osipova N.O. *Metod psikhoanaliza v interpretatsii postmodernistskogo kinematografa (na materiale fil'ma F. Ozona "Krysyatnik")* [The Psychoanalytic Approach to Interpreting Postmodern Cinema (on the material of F. Ozon's Film "Sitcom")], *Vestnik VyatGGU* [The Bulletin of Vyatka State Humanities University], 2009, no. 4 (1), pp. 106–110.
 24. Khrenov N.A. *Analiticheskaya psikhologiya K. Yunga i interpretatsiya tekstov ekrannoi kul'tury*, *Fundamental'nye problemy kul'turologii* [Fundamental Problems of Cultural Studies], in 4 vol. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2008, vol. II : Istoricheskaya kul'turologiya, pp. 198–208.
 25. Ulybina E.V. *Zrimoe bezumie. Chto kino pokazyvaet na meste sumasshedshogo*, *Russkaya antropologicheskaya shkola. Trudy*, issue 3. Moscow, RGGU Publ., 2005, pp. 189–208.
 26. Baudrillard J. *The Transparency of Evil*. Moscow, Dobrosvet, Izdatel'stvo "KDU", 2012, 260 p. (in Russ.).
 27. Deleuze G. *The Logic of Sense*. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2011, 472 p. (in Russ.).
-
-
-